

I 30213

И. Франко.

5995
Цыгане.

РАЗСКАЗЪ

(Переводъ съ малорусскаго)

Цѣна 3 коп.

Дружеская ответственность

на эту книгу въ пользу 30-го года

издана въ С. Е. Терентьеву

и для продажи въ С. Е. Терентьеву

ИЗДАНИЕ

Книжка 30-го года изд. 3-я 4-я

Иванъ 2000
По.мд
№ 929

2-8⁵3/6

Зинкебург

2^м нар. кс

брасер. Дому кс
Дел чтец

Шкапъ _____

Полка _____

№ 929

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА.

ЦЫГАНЕ.

РАЗСКАЗЪ

ИВАНА ФРАНКО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ МАЛОРУССКАГО

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографіи В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 лин., д. № 45).

1899.

566.5

891.73

РМЧ

I 30213

ЛВІВСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 28 мая 1898 г.

ЦЫГАНЕ.

Разсказъ Ивана Франко.

ПЕРЕВОДЪ СЪ МАЛОРУССКАГО.

I.

Горное село Ластовки расположилось на рѣкѣ Стрыѣ, тамъ, гдѣ онъ, послѣ своего большого поворота подѣ Турку, загибаетъ къ Синеводску, извиваясь между горами и лѣсами. Это небольшое заброшенное село скрываетъ между лѣсами и дѣбрами свои разбросанныя, убогія хатки бойковъ. Ниже села, за лѣсомъ, который тянется до самаго берега рѣки, надъ Стрыемъ торчитъ высокая скала. Обрывистою стѣною громоздится она надъ самымъ поворотомъ рѣки, а своею вершиною, зеленою отъ мха и папоротника, царить надъ сосѣдними горами. Стрый лѣтомъ ласково плещется объ ея подошву, а осенью грозно реветъ и пѣнится, заливая узкую тропинку, которая вѣется подѣ скалою вдоль его берега. Со всѣхъ сторонъ вокругъ высятся горы, покрытыя чернымъ лѣсомъ; только кое-гдѣ верхушки ихъ обозначаются безлѣсными полянами, которыя кажутся сѣро-зелеными пятнами на темномъ фонѣ. Пусто и жутко въ осенній день около скалы; только волны Стрия ревуть и разбиваются объ острые камни.

Пусто и жутко въ душѣ полицейскаго стражника, который въ дождливый осенній день идетъ тропинкою надъ рѣкой въ плащѣ и шапкѣ съ пѣтушьимъ перомъ, съ перевѣшеннымъ черезъ плечо ружьемъ. Онъ внимательно озирается

по сторонамъ. Нигдѣ ни живой души, и если бы не утоптанная тропинка подлѣ рѣки, то можно было бы подумать, что сюда, въ эту дикую лѣсную котловину, еще отъ сотворенія міра не ступала нога человѣческая.

— Плюнулъ бы я на такую собачью службу! — ворчалъ стражникъ, обтирая платкомъ усы, съ которыхъ капала дождевая вода: — Лазь и лазь, какъ заклятый, по этимъ проклятымъ вертепамъ, и все даромъ. Эти, поганые бойки боятся стражника больше, чѣмъ чорта. Каждый обходитъ его на тысячу шаговъ, какъ только гдѣ увидить. Такъ и кажется, что каждый изъ нихъ только что укралъ что-нибудь или убилъ кого-нибудь. А если и попадешь на какого изъ нихъ, то скорѣе отъ этой скалы допросился бы чего-нибудь, чѣмъ отъ него. Чортъ бы побралъ этотъ поганый, безсмысленный народъ!

Такъ ворчалъ стражникъ, приближаясь къ скалѣ и поминутно поглядывая на Стрый, который сердито разбивалъ свои волны о камни, какъ будто и самъ злился на этихъ дикихъ, безсмысленныхъ бойковъ.

— Ишь какъ много воды! — ворчалъ дальше стражникъ. — Какъ бы только она не залила тропинки, да не снесла кладки, а то до ночи не добратся сегодня до тѣхъ чортовыхъ Ластовокъ, хоть онѣ уже и близко. Совсѣмъ мнѣ въ этихъ горахъ нѣтъ счастья, ходь сядь да плачь! Вотъ уже четвертый разъ я обхожу эти вертепы, и еще ни разу мнѣ не посчастливилось поймать какого-нибудь вора или разбойника. А между тѣмъ довольно только взглянуть, чтобы увидать, что воровъ и разбойниковъ тутъ полно. И что хуже всего, даже какого-нибудь оборваннаго бродяги, какого-нибудь старика-нищаго не пришлось арестовать. Какъ будто сговорились, чтобы не попадаться на глаза. А другіе стражники каждый разъ тѣхъ бродягъ, нищихъ да цыганъ гонять передъ собой цѣлую ораву, полную тюрьму набьютъ. А я... хоть бы тебѣ одного! Плюнулъ бы на такое счастье, да и только.

И стражникъ гнѣвно взглянулъ впередъ. Онъ стоялъ уже предъ самою скалою. Тропинка здѣсь подымалась немного въ гору и шла какъ будто по каменному карнизу, то подходя къ

отвѣсной стѣнѣ, то снова опускаясь чуть не до самой воды. Уже издали стражникъ увидѣлъ, что сейчасъ же, на первой такой впадинѣ тропинка была залита мутною, вспѣнною водою.

— Вотъ тебѣ и на! — крикнулъ онъ со злостью: — опять неудача! Придется обходить вокругъ этого препятствія, царапаться полчаса по кустамъ и разсѣлинамъ, и за это время я могъ бы быть уже въ Ластовкахъ. А, чтобъ тебя громъ небесный побилъ съ такими порядками!

И скользя въ своихъ тяжелыхъ сапогахъ по мокрому мху, стражникъ свернулъ направо между корчевинами, подъ гору, чтобы обойти скалу. Нечаянно онъ какъ-то взглянулъ въ сторону и остановился. Что за чортъ! Ему показалось, какъ будто бы изъ скалы легкими клубами выползалъ дымъ, который, точно въ испугѣ, все больше расползался и исчезалъ въ воздухѣ. Стражникъ сразу самъ не повѣрилъ своимъ глазамъ. Однако, когда онъ остановился и внимательно присмотрѣлся, то увидѣлъ, что дѣйствительно изъ-за острыхъ зазубринъ скалы, какъ будто изъ самой середины главной ея массы подымался дымъ. Можетъ ли это быть? Стражникъ былъ не изъ боязливыхъ, однако у него за плечами пробѣжалъ морозъ; онъ никакъ не могъ понять, что бы это такое могло быть. Наконецъ, онъ бросилъ размышлять.

— Навѣрное дровосѣки разложили огонь. А можетъ быть, какіе-нибудь воры? Дѣйствительно, что бы здѣсь дровосѣки дѣлали? Пойду, развѣдаю.

И онъ съ трудомъ началъ взбираться по скаламъ туда, гдѣ выше нихъ, какъ великанъ, торчала высокая каменная стѣна. Сразу онъ не могъ ничего разглядѣть. Уже начались сумерки; тѣнь отъ скалы густымъ мракомъ прикрывала какъ разъ то мѣсто, откуда выходилъ дымъ. Напрасно стражникъ напрягалъ зрѣніе и слухъ — ничего нельзя было ни увидѣть, ни услышать, кромѣ бѣшеннаго клочотанія разливающейся рѣки подъ скалою, да осенняго, протяжнаго стона лѣса.

— Гей, кто тамъ? Отзывайтесь! — крикнулъ стражникъ, но только голосъ его уныло зазвучалъ между скалами, да

противоположная гора повторила конецъ его оклика «айтесь!». Тогда стражникъ началъ пробираться дальше. На небольшой площадкѣ между камнями онъ увидѣлъ поломанныя сухія вѣтки, какія-то свѣжія еще кости и наполовину изгнившіе куски тряпья. «Ну, безъ сомнѣнія, слѣды человѣка!» подумалъ стражникъ. Присмотрѣвшись ближе, онъ увидѣлъ еле замѣтную тропинку, которая змѣей вилась между камнями, тянулась поперекъ площадки и терялась въ тѣни, подъ отвѣсною стѣною, какъ разъ тамъ, откуда выходилъ дымъ. И только приблизившись на два шага, стражникъ увидѣлъ выдолбленную въ стѣнѣ небольшую дыру, заваленную обгорѣлымъ пнемъ. Онъ самъ не зналъ, отчего вдругъ сердце какъ-то неспокойно забилося въ груди. Схвативъ обѣими руками ружье, какъ бы готовясь къ штурму, онъ осторожно началъ подходить. Тишина внутри темной пещеры еще больше его безпокоила, а въ душѣ онъ начиналъ сердиться самъ на себя за то, что передъ тѣмъ такъ громко крикнулъ и выдалъ свое приближеніе. Кто знаетъ, можетъ быть, неизвѣстный врагъ, предупрежденный его крикомъ, слѣдитъ уже за нимъ изъ какой-нибудь скрытой и надежной засады? Однако возвращаться было, можетъ быть, еще опаснѣе, и потому онъ пошелъ дальше. Наконецъ онъ остановился передъ самою пещерой, осмотрѣлъ саблю и патронташъ, а потомъ сразу толкнулъ пень ногою и открылъ входъ въ пещеру. Дымъ клубами пахнулъ ему въ лицо, но за дымомъ ничего не было видно. Чтобъ заглянуть внутрь пещеры, онъ долженъ былъ наклониться. Когда дымъ немного разсѣялся, стражникъ увидѣлъ внутренность высѣченной въ скалѣ пещеры. Сѣрыя каменные стѣны сходились вверху, какъ склепъ. Внизу, въ каменномъ полу, посреди пещеры была вырыта небольшая ямка, въ которой тлѣлъ огонь, прикрытый наполовину подгнившей колодой, сильно дымившей. Вокругъ огня сидѣло нѣсколько человѣкъ, дѣтей и взрослыхъ, едва прикрытыхъ грязнымъ тряпьемъ. Лицъ стражникъ разсмотрѣть не могъ, а только видѣлъ, какъ нѣсколько паръ черныхъ, испуганныхъ глазъ со страхомъ уставились на него.

— Кто вы такіе? — крикнулъ онъ грозно.

— Цыгане, паночку! — отвѣтилъ грубый, но смирный голосъ.

— А что вы здѣсь дѣлаете?

— Живемъ, паночку!

Стражникъ еле-еле пробрался до середины пещеры и началъ осматривать жилище и людей. Въ одномъ углу пещеры лежали на маленькой повозкѣ кузнечныя принадлежности: мѣхъ, наковальня и молоты, въ другомъ — куча сухихъ вѣтокъ для топлива. На вѣткахъ было развѣшено грязное бѣлье. Близъ огня, на серединѣ пещеры находилась постель всей семьи — вязка полусгнившей соломы, брошенная на камни, да куча сухого мха и листьевъ. Только на одномъ концѣ этой постели, на самомъ почетномъ мѣстѣ, лежала невыдѣланная конская шкура, которою на ночь укрывался старый ромъ ¹⁾.

— А сколько васъ здѣсь? — спросилъ снова грозно стражникъ, оборачиваясь къ огню.

— Пятеро, паночку, пятеро, — отвѣчалъ цыганъ и всталъ на ноги, весь дрожа отъ холода. Остальные цыгане тоже встали. Кромѣ стараго цыгана, здѣсь была еще цыганка, парень и двое маленькихъ совсѣмъ голыхъ цыганятъ. Всѣ они даже посинѣли отъ холода и казались какъ будто опухшими — вѣроятно, отъ голода.

— Чѣмъ же вы здѣсь живете, бродяги? — допрашивалъ дальше стражникъ.

— Божьей милостью, паночку, божьей милостью... — Вотъ лошаденка у насъ недавно издохла, такъ у насъ еще было мясо.

— А давно вы здѣсь?

— Двѣ недѣли, паночку.

Кто его знаетъ, отчего стражника злили эти слишкомъ покорные отвѣты стараго цыгана. Въ этомъ плаксивомъ голосѣ, въ этомъ ежеминутно повторяемомъ «паночку» стражникъ видѣлъ скрытую насмѣшку надъ своей властью.

¹⁾ Такъ сами себя называютъ цыгане.

— А много вы крадете по селамъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, паночку, мы ничего не крадемъ. Ромъ Пайкушъ не крадетъ! Ромъ Пайкушъ, пока можетъ, живетъ трудами своихъ рукъ. Только теперь, когда пропала наша лошаденка, мы не можемъ тронуться съ мѣста. Приходится посидѣть здѣсь, пока немного распогодится.

— Пока не украдете новаго коня! — издѣвался стражникъ. — А ну, собирайтесь, маршъ со мною!

— Куда, паночку? — спросилъ старый цыганъ дрожащимъ голосомъ.

— Не спрашивай! Собирайся со своимъ поганымъ родомъ и приплодомъ, пойдемъ въ село. А тамъ ужъ посмотримъ, что съ вами дѣлать.

Старый цыганъ стоялъ, какъ окаменѣлый; старая же цыганка, словно камень съ неба, упала къ ногамъ стражника и закричала, какъ будто ее хотѣли рѣзать.

— Паночку, паночку! Голубчикъ нашъ! Что тебѣ сдѣлалъ старый Пайкушъ, что тебѣ сдѣлали бѣдные ромы, что хочешь насъ въ такой холодъ выгонять на дворъ? Ты погляди, мои дѣти совсѣмъ голыя, да и мы сами не перенесемъ такой стужи. Смилуйся, паночку, смилуйся, не гони насъ никуда! Пусть бѣдные ромы поживутъ еще на бѣломъ свѣтѣ.

— Будешь ты молчать, ты, пугало воронье: — крикнулъ на нее стражникъ и оттолкнулъ старую цыганку. — Сейчасъ же всѣ собирайтесь.

Но тутъ вся семья, большіе и маленькіе, съ визгомъ и плачемъ бросились стражнику въ ноги и начали просить и умолять его, чтобы онъ оставилъ ихъ въ каменной хатѣ. Да и самъ стражникъ задумался, что ему дѣлать? Село еще не близко, дорога неровная и безлюдная, наступаетъ ночь, трудно будетъ ему одному довести до села эту ораву. И онъ перемѣнилъ свой планъ.

— Ну, чего вы ревете, глухие цыгане? — сказалъ онъ. — Не бойтесь, вѣдь я васъ не съѣмъ живыми. Пусть будетъ по-вашему, оставайтесь здѣсь. Только слушай, старикъ, пока я не вернусь, не смѣй отсюда трогаться.

Старый цыганъ стоялъ, какъ столбъ. Удивленными, испуганными глазами глядѣлъ онъ на стражника, предчувствуя въ его словахъ какую-то новую бѣду.

— Ну, что же ты уставилъ на меня свои бѣльма, чего хлопаешь глазами, какъ недорѣзанный баранъ? — крикнулъ стражникъ. — Слышишь или нѣтъ, что я тебѣ говорю? Не смѣй мнѣ трогаться отсюда, пока я на обратномъ пути не зайду сюда, а то бѣда тебѣ.

Старый цыганъ все еще стоялъ, какъ окаменѣлый. Только цыганка, низко кланяясь, сказала стражнику:

— Хорошо, паночку, хорошо!

Стражникъ еще разъ оглядѣлъ пещеру, плюнулъ отъ омерзѣнія и вышелъ.

— Бродяги проклятые! — ворчалъ онъ, съ трудомъ сходя со скалы. — Вотъ куда они забрались! Однако я ихъ нашелъ. Ну, хоть теперь какой-нибудь «белонунгъ» ¹⁾ будетъ.

II.

Ластовскій войтъ, какъ и каждый бойко, былъ неграмотенъ; съ властями онъ былъ покоренъ и сговорчивъ, а съ подчиненными упрямъ тѣмъ безсмысленнымъ упрямствомъ, которымъ отличаются люди съ ограниченнымъ умомъ. Стражники рѣдко заходили въ это село, и потому каждое появленіе стражника вызывало въ селѣ настоящее волненіе. Эти люди, выросшіе въ горахъ и лѣсахъ, считали должность войта тяжелымъ бременемъ главнымъ образомъ потому, что войтъ каждый разъ обязанъ былъ являться передъ разными «панами», пріѣзжающими въ село, долженъ былъ отвѣчать на ихъ разспросы и исполнять ихъ приказанія. Кто изъ громады былъ насильно «посаженъ на войта», тотъ обыкновенно оставался въ этой должности много лѣтъ, пока только могъ двигаться, ибо другой никто не рѣшался безъ крайней необходимости взять на себя эту страшную повинность.

¹⁾ По-нѣмецки «белонунгъ—Belonung» значитъ—похвала, награда.

Нашъ войтъ былъ еще недавно выбранъ и потому еще не привыкъ къ панамъ. Онъ сильно испугался, когда поздно вечеромъ стражникъ вошелъ къ нему въ хату. Но еще больше испугался онъ, когда прибывшій «панъ» рассказалъ ему о цыганахъ. Правда, войтъ зналъ, что цыгане живутъ въ скалахъ; значитъ, не самихъ цыганъ онъ испугался. Испугался онъ того, что стражникъ ихъ нашелъ и что теперь, вѣроятно, и его вмѣстѣ съ цыганами потащатъ въ Подбужъ.

— Ну, а вы знаете объ этихъ цыганахъ? — спросилъ стражникъ войта.

— Да, будто знаю.

— Что-жъ они, крадутъ?

— Да, вѣроятно, не безъ того, чтобъ и не крали. Гдѣ жъ бы такі цыганъ выдержалъ безъ этого. Только старикъ иногда что-то куетъ, какъ будто бы работаетъ. Только эта его цыганская работа!...

— Я такъ и зналъ, — проворчалъ стражникъ. — Ну, войтъ на васъ лежитъ отвѣтственность за нихъ.

— На мнѣ — вскрикнулъ испуганный войтъ. — Если они что-нибудь воруютъ, то я долженъ отвѣчать за нихъ?

— Ну, да, вы отвѣчаете за все, что случится въ чертѣ вашего села. У васъ долженъ быть порядокъ. Такъ цыганской голи нельзя оставлять безъ призора.

— Ну, а что жъ я могу съ ними сдѣлать? Взять ихъ на поводъ, что ли?

— Какъ только попадетъ въ село, сейчасъ арестовывать и отдавать въ руки стражниковъ.

— Э, паночку, вѣдь вельможные паны къ намъ такъ рѣдко заходятъ. А тутъ, если бъ я одного арестовалъ, такъ другіе возьмутъ да и подожгутъ меня.

— Подождутъ! — крикнулъ стражникъ. — Такъ они такіе? Пойдите, мы ихъ прикрутимъ. Войтъ, поберегите мнѣ тѣхъ цыганъ, пока я не вернусь изъ обхода. Я ихъ заберу съ собой въ Подбужъ.

— А когда-жъ панъ вернется?

— Завтра, самое позднее — послѣзавтра.

— Хорошо, я велю ихъ стеречь, — отвѣчалъ войтъ, низко кланяясь стражнику.

Наѣвшись молока и «будза» (свѣжаго овечьяго сыра), стражникъ улегся на скамьѣ, закутался въ плащъ и уснулъ. А войтъ не спалъ, хотя и лежалъ въ постели.

— И что за нелегкая понесла этого стражника, что онъ высмотрѣлъ цыганъ въ такомъ тайникѣ, гдѣ ихъ до сихъ поръ никакое начальство не замѣчало? И что теперь съ ними дѣлать? Что изъ того, что стражникъ заберетъ ихъ въ Подбужъ? Посидятъ подъ арестомъ дня два, а потомъ выйдутъ на волю и навѣрное опять направятся въ Ластовки. Имъ нетрудно меня и обокрасть, и поджечь. Цыгану что? Стражникъ далеко, а цыганъ шляется много: стоитъ одну шайку затронуть, тогда всѣхъ сдѣлаешь своими врагами. Охъ, доля моя несчастная! Тьфу на твою голову! А развѣ вотъ что сдѣлаю! Это будетъ лучше всего! Если цыгане убѣгутъ, то что мнѣ стражникъ сдѣлаетъ! Вѣдь они же могутъ убѣжать въ эту же ночь, когда я только узналъ отъ стражника, что ихъ нужно арестовать. Это будетъ лучше всего, положительно-таки, лучше всего!..

И съ этою мыслью войтъ уснулъ уже около полуночи.

А стражникъ въ это время, не смотря на то, что спалъ на жесткой скамьѣ, видѣлъ веселые сны. Ему снились «белонунгъ», денежная награда и переводъ на лучшее мѣсто, въ Подоль, на русскую границу, гдѣ легко можно было открыть крупную контрабанду: и выслужиться, и разжиться. Этотъ сонъ придалъ ему увѣренности. На другой день онъ рано всталъ, собрался и, еще разъ строго приказавши войту слѣдить за цыганами, поспѣшно отправился дальше, чтобы еще сегодня дойти до границы своего обхода, а завтра вернуться въ Ластовки.

Сейчасъ послѣ его ухода войтъ намоталъ на ноги онучи, обулся въ кожаные постолы, надѣлъ на себя кожухъ, надѣлъ на голову шапку, перевѣсилъ черезъ плечо сумку съ «цесарскимъ орломъ» и положилъ въ нее пару овсяныхъ хлѣбовъ и кусокъ овечьяго сыра. Приготовившись такимъ образомъ, онъ, не говоря никому ни слова, отправился въ дорогу къ скалѣ.

— Добрый день, Пайкушъ! — сказалъ онъ, входя въ пещеру.

— Добраго здоровьечка, пане начальнику, — отвѣчалъ старый цыганъ.

— А что здѣсь у васъ слышно новаго? — спросилъ войтъ, по бойковскому обычаю, не приступая прямо къ дѣлу.

— Худыя вѣсти, пане начальнику. Былъ здѣсь у насъ вчера «кокорудза» ¹⁾, хотѣлъ насъ вести въ село.

— Въ село? Э, онъ васъ, голубчики, хотѣлъ вести въ Подбужъ, въ судъ.

— За что?

— А развѣ, я знаю, за что. Должно быть, ему въ другихъ селахъ что-то очень много наговорили о васъ. Вѣдь не даромъ же онъ васъ такъ разыскивалъ, что и здѣсь пронюхалъ.

— Ой, ой, ой! Боже нашъ, боже, — разомъ застонали цыгане: — что жъ намъ теперь дѣлать?

— Что жъ я вамъ, бѣдняжки посовѣтую — сказалъ войтъ: — онъ мнѣ велѣлъ слѣдить за вами, пока самъ не вернется, а тогда отдать васъ ему въ руки.

— И вы хотите теперь насъ арестовать? — сказалъ спокойно, но со скрытою въ голосъ угрозою старый цыганъ.

— Богъ съ вами, Пайкушъ! — сказалъ войтъ: — развѣ я васъ съ сегодняшняго дня только знаю, что ли? Я сказалъ сейчасъ тому стражнику, что цыганъ — это вѣтеръ въ полѣ: вотъ онъ есть, а вотъ и нѣтъ его. Кто его на привязь возьметъ? А знаете ли, что я вамъ скажу: здѣсь есть немного хлѣба и сыра, возьмите это отъ меня и идите себѣ, куда хотите, чтобъ я о васъ ничего и не слышалъ. Не хочу вамъ дѣлать зла, но и самъ не хочу изъ-за васъ попасть въ бѣду. Понимаете?

— Понимаемъ, пане начальнику, понимаемъ! Пусть вамъ богъ святой заплатитъ! — сказалъ цыганъ, кланяясь, а за нимъ начала кланяться вся его семья. Положивъ на каменномъ полу хлѣбъ и сыръ, войтъ поспѣшно отправился назадъ въ село, остерегаясь, чтобъ кто-нибудь его не замѣтилъ. А въ душѣ онъ смѣялся надъ тѣмъ, какъ будетъ злиться стражникъ, когда придетъ завтра, а цыганъ уже и слѣда не найдетъ.

¹⁾ «Кокорудзою» на воровскомъ языкѣ называютъ жандармовъ.

III.

Правду говорятъ, что осень въ горахъ стòитъ хорошей зимы въ долинахъ. Едва нашъ стражникъ вышелъ за противоположную границу Ластовокъ, едва войтъ, совершивши свою политическую миссію, воротился назадъ въ село, какъ вершина Парашки, которая поднимается въ видѣ трезубца, покрылась густою мглою, или, какъ говорятъ, «задымилась». Огромными клубами катилась эта мгла внизъ, гонимая сильнымъ завывающимъ вѣтромъ. Въ теченіе получаса уже все исчезло въ вихряхъ и клубахъ снѣжнаго урагана, который со всѣхъ сторонъ билъ въ глаза и слѣпилъ путника, заматавъ у него подъ ногами тропинку.

Бранясь и поминутно отплеиваясь, стражникъ боролся съ мятелью и храбро шелъ впередъ. Уже недалеко было село, до котораго онъ хотѣлъ добраться до ночи, — крайній пунктъ его обхода. Еще только нужно было по кладкѣ перейти на другой берегъ рѣки. Но это было далеко небезопасно. Рѣка шумѣла подъ кладкою, какъ бѣшеная, а вверху бушевалъ вѣтеръ, точно руками срывая одежду. Кладка была скользкою отъ снѣга, а вѣтеръ слѣпилъ глаза. Уже у самаго берега стражникъ поскользнулся и упалъ въ воду. Вода была неглубока, но бѣжала съ страшною быстротою. Въ одну минуту теченіе сорвало у стражника съ плечъ карабинъ, а съ головы шапку съ пѣтушьимъ перомъ. Большой круглый камень, который вода катила по дну, ударилъ ему подъ ноги и свалилъ его. Только послѣ большихъ усилій стражникъ вырвался на берегъ. Онъ промокъ до послѣдней нитки, промерзъ и перепугался. Думая отогрѣться, бѣдняга изо всѣхъ силъ пустился бѣжать въ село, къ знакомому священнику. Однако, какъ ни близко это было, а пока онъ бѣжалъ до хаты, мокрая одежда на немъ смерзлась, какъ кость, и голосъ какъ будто застылъ въ его груди. Правда, у священника принялись его растирать, отогрѣвать. Эта помощь и желѣзное здоровье сдѣлали то, что онъ не схватилъ никакой серьезной болѣзни, но все-таки

долженъ былъ цѣлую недѣлю пролежать въ постели, въ сильномъ жару. Всю эту недѣлю шель снѣгъ, дулъ вѣтеръ, стоялъ морозъ, такъ что въ горахъ даже здоровому не слѣдовало пускаться въ дорогу изъ одного села въ другое. Только черезъ недѣлю вѣтеръ утихъ, установилась хорошая погода, и только морозъ пріударилъ еще сильнѣе. Стражникъ не хотѣлъ дольше ждать, хотя священникъ и не рѣшался пускать его отъ себя пѣшкомъ еще полубольного. Онъ велѣлъ запречь сани и отвезти его въ Подбужъ, куда еще раньше далъ знать о случившемся.

Проѣзжая черезъ Ластовки, стражникъ вспомнилъ о цыганахъ, о которыхъ совсѣмъ было забылъ въ своей бѣдѣ. Онъ велѣлъ кучеру остановиться противъ хаты войта, позвалъ его къ себѣ и спросилъ:

— А что вы сдѣлали съ тѣми цыганами?

— Да что жъ мы могли съ ними сдѣлать, прошу пана, — отвѣчалъ войтъ, почесывая свою волосатую голову, — когда мы ихъ уже не застали?

— Какъ такъ не застали?

— А такъ. Какъ только панъ отъ меня ушелъ, я сейчасъ же собрался и пошелъ, чтобы ихъ арестовать и забрать въ село. Но въ пещерѣ я не засталъ никого. Очевидно, они испугались пана и убѣжали въ ту же ночь.

— Вотъ бестіи! — крикнулъ стражникъ. — Ну, подождите, я васъ еще гдѣ-нибудь накрою!

Войтъ поклонился и только посмѣялся про себя, что ему такъ ловко удалось отдѣлаться отъ бѣды. А стражникъ, злой и раздраженный, завернулся въ свой плащъ и въ теплую баранью шубу, которую далъ ему священникъ на дорогу, и велѣлъ ѣхать дальше.

IV.

Стрый отъ мороза утихъ. Внизу, подъ скалою, переѣздъ былъ свободенъ, и такъ какъ этотъ путь былъ самый короткій, то стражникъ велѣлъ везти себя въ ту сторону. Едва выѣхали

за лѣсъ, который черной стѣной отдѣляетъ Ластовки отъ остального міра, какъ глаза стражника съ какой-то тревогой оставились на огромной скалѣ, вынырнувшей невдалекѣ передъ нимъ. Верхушка скалы не была покрыта снѣгомъ: вѣтеръ посметалъ этотъ зимній пухъ на нижніе уступы. Что-то заняло въ сердцѣ у стражника, когда онъ увидѣлъ, что вся вершина скалы покрыта воронами, галками и другими хищными птицами, которыя то сидѣли, то носились вокругъ цѣлыми тучами, и своимъ зловѣщимъ крикомъ и карканьемъ наполняли воздухъ.

Но что это? Изъ темной разсѣлины въ горѣ, обильно засыпанной снѣгомъ, такъ же, какъ и восемь дней тому назадъ, поднимаются еле замѣтные клубы блѣдно-синяго дыма. Нѣсколько минутъ стражникъ сомнѣвался, въ самомъ-ли дѣлѣ это такъ, или это только кажется ему послѣ горячки; но бойко, его кучеръ, увѣрилъ его, что въ самомъ дѣлѣ дымъ выходитъ изъ скалы. Неужели тамъ еще есть кто-нибудь? Стражникъ задрожалъ даже отъ нетерпѣнія узнать, что это значить. Они уже приблизились къ скалѣ. Тропинка, которая вела въ гору, была засыпана снѣгомъ, и ни одного слѣда человѣческой ноги не видно было на его бѣлой пеленѣ. Только галки и вороны при ихъ приближеніи подняли еще большій крикъ.

— Это какой-то недобрый знакъ, что этихъ птицъ столько сюда налетѣло,—замѣтилъ возница.—Не случилось ли здѣсь какого-нибудь несчастья? Эта проклятая птица сейчасъ это почуетъ.

Стражникъ, ничего не говоря, сбросилъ съ себя шубу и даже плащъ, чтобы легче было карабкаться на скалу; возница выломалъ двѣ палки для того, чтобы опираться, и такимъ образомъ, помогая одинъ другому, съ большимъ трудомъ они взобрались на верхнюю площадку. Галки съ крикомъ носились надъ ихъ головами, какъ будто хотѣли отвоевать принадлежащую имъ добычу.

Входъ въ пещеру былъ, какъ и прежде заваленъ пнемъ и заткнутъ мхомъ, и только сквозь маленькую трещину въ

скалъ выползалъ дымъ. Оттолкнули колоду и вошли. Въ пещерѣ было тихо и темно. Только спустя нѣкоторое время глаза ихъ настолько привыкли къ сумраку, что могли различить какую-то черную, безформенную массу по срединѣ пещеры. То были цыгане, сбившіеся въ кучу, укрытые мхомъ и листьями и умершіе, какъ казалось, уже нѣсколько дней назадъ. На кострѣ дымилось еще послѣднее тлѣвшее бревно.

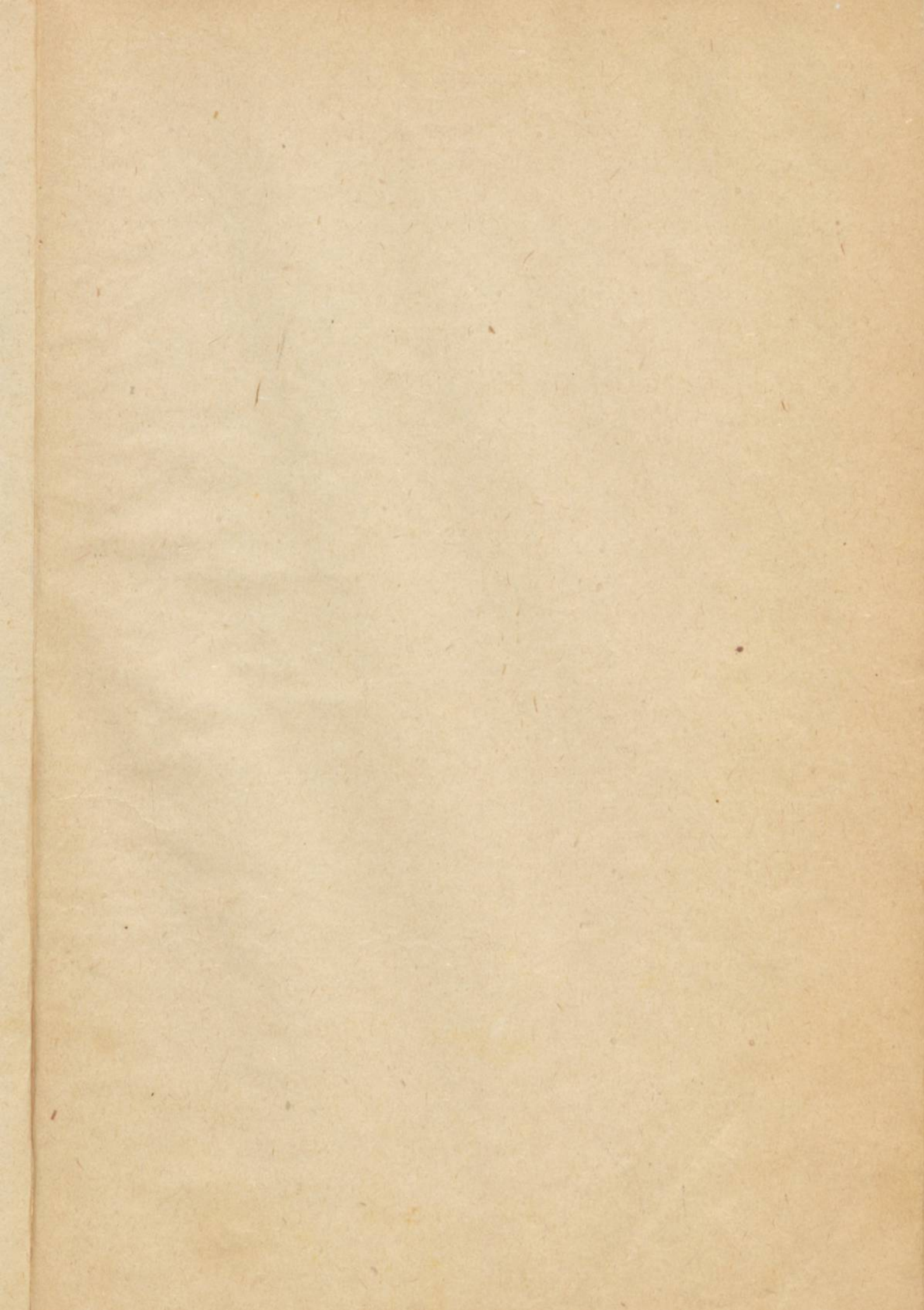
Что было причиною ихъ смерти? Голодъ? Холодъ? Или, можетъ быть, угаръ отъ спертаго дыма? Тѣла ихъ были синія, закостенѣлыя, смерзшіяся. Но, разрывая кучу, стражникъ увидѣлъ, что подъ старымъ цыганомъ не было уже невыдѣланной конской шкуры, на которой онъ спалъ; недогрызенные кусочки этой шкуры оказались... въ рукахъ дѣтей.

Долго стояли стражникъ и его возница надъ этими покойниками, нѣмые, потрясенные, объятые ужасомъ. Можетъ быть, въ ихъ умѣ проходили долгіе дни и ночи ужаснаго страданія этихъ несчастныхъ, плачь и стоны дѣтей, беспомощность и безсиліе стариковъ, цѣлое море нужды, горя и терпѣнія, отъ которыхъ теперь осталась только вотъ эта неподвижная, въ одинъ комокъ спутавшаяся кучка труповъ.

Безъ словъ, нѣмые, пригнетенные вышли, наконецъ, стражникъ и кучеръ изъ пещеры на свѣжій воздухъ, завалили входъ въ пещеру, чтобы не допустить птицъ до труповъ, и когда затѣмъ снова сѣли къ сани, кучеръ перекрестился и, повернувши лицо къ скалѣ, началъ шептать молитву.

Стражникъ же тѣмъ временемъ началъ составлять въ умѣ рапортъ о случившемся.

~~55~~ 10

Н 832 ИЗДАНИЯ Н. БЕРЕЗИНА и М. СЕМЕНОВА.

Антонио Лабріола. Къ вопросу о материалистическомъ взглядѣ на исторію. Пер. съ французскаго. Ц. 50 к.

Сидней Веббъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи за послѣднія 60 лѣтъ (съ диаграммой). Ц. 15 к.

Жоржъ Блондель. Экономическій подъемъ Германской Имперіи. Пер. А. Абрамова, подъ редакціей Н. Березина. Цѣна 25 к.

К. Шраммъ. Основы экономической науки. Ц. 50 к.

Рудольфъ Штамлеръ. Хозяйство и право съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи. Цѣна по подпискѣ за 2 тома 3 руб.

Поль Рузье. Промышленныя монополіи (трѣсты) въ Соединенныхъ Штатахъ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Н. П. Отвѣтственность предпринимателей и ихъ главныхъ агентовъ за увѣче, смерть и причиненіе вреда для здоровья рабочимъ. Цѣна 40 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1. Фохтъ. Девятнадцатый вѣкъ. Политическая и культурная исторія цивилизованныхъ странъ въ XIX вѣкѣ. 2 тома. Пер. съ нѣмецкаго. Первый томъ выйдетъ осенью 1899 года. Цѣна по подпискѣ 3 р.

Ф. Теннисъ. Общественное развитіе Германіи.

Куновъ. Общественный строй государства Инковъ.

Русскій Энциклопедическій словарь подъ редакціей Н. Березина. Цѣна по подпискѣ 5 р., съ пересылкою 6 р.

Складъ изданій Н. Березина и М. Семенова въ книжномъ магазинѣ „ЗНАНІЕ“ Спб., Садовая 13 и его отдѣленія.

ИЗДАНИЯ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „ЗНАНІЕ“:

А. С. Пушкинъ. Сборникъ сочиненій, составленный подъ редакціей Ч. Вѣтринскаго. 20 печатн. листовъ Ц. 50 коп.

1. Е. Чижевъ. Отъ лучины до электричества. Ц. 15 к.

2. Брешко-Брешковскій. Запорожскій казакъ Игнатъ Подкова. Повѣсть. Ц. 10 к.

3. Ч. Вѣтринскій. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій (бюграфическій очеркъ). Ц. 10 к.

4. М. Полинская. Рѣшетниковъ. (Бюграфич. очеркъ) Ц. 5 коп.

5. А. Свирскій. Забраванный. (Разсказъ изъ жизни рабочихъ). Цѣна 3 коп.

6. Н. Березинъ. Разсказы о лавинахъ и о людяхъ, погребенныхъ подъ снѣгомъ. Ц. 5 коп.

7. Н. Березинъ. Разсказы о томъ, какъ трясется земля и море. Ц. 5 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Ч. Вѣтринскій. Среди латышей (общественно-этнографическій очеркъ).

Ч. Вѣтринскій. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ и его произведенія.

Давидсонъ. Борьба въ природѣ ц. 10 к.

Ч. Вѣтринскій. А. В. Кольцовъ, его жизнь и произведенія. 2-е изданіе.

348/49